

ИЗ ИСТОРИИ

ВОСПОМИНАНИЯ О МИХАИЛЕ ЮЛЬЕВИЧЕ РАПОПОРТЕ (к 125-летию со дня рождения)

Воссоздать образ Михаила Юльевича Рапопорта для тех, кто не знал его и близко, невозможно, не помогут даже фотографии. Артистизм и динамизм этого яркого ученого-клинициста были неповторимы. Конечно, любой человек индивидуален, но обычно есть сходные известные фигуры, благодаря которым мы можем хотя бы приблизительно представить его манеры, поведение, реакции и облик. По отношению к Михаилу Юльевичу такой способ познания, как и у великих актеров, не действует. Ну например, с кем можно сравнить, чтобы хоть как-то себе представить, Евгения Леонова? Да ни с кем. Так и Михаила Юльевича.

Свершения

Михаил Рапопорт родился 24 мая 1891 г. в Риге в семье лесопромышленника. Закончил медфак Юрьевского (Дерптского) университета, где преподавал Николай Нилович Бурденко. В годы I Мировой войны, перешедшей в Гражданскую, вместе с университетом эвакуировался в Воронеж.

Когда Н.Н. Бурденко в 20-е годы XX века переехал в Москву и занялся нейрохирургией, он вскоре пригласил к себе приглянувшегося ему в Воронеже талантливого невропатолога приват-доцента М.Ю. Рапопорта. С 1929 г. они вместе: сначала на Солянке, затем на Ульяновской и, наконец, на 5-й Тверской-Ямской.

После смерти в 1935 г. (через 3 года после открытия Московского нейрохирургического института) руководителя неврологического сектора Василия Васильевича Крамера Михаил Юльевич занял его место. По существу, именно М.Ю. Рапопорт создает, как он любил подчеркивать, «неврологическую службу в нейрохирургии» и становится одним из основоположников неврологии в нейрохирургии. Его научная и клиническая школа в этом аспекте, бесспорно, была самой крупной и блистательной в Советском Союзе.

Рядом с М.Ю. Рапопортом трудились такие талантливые его соратники и ученики, как Ю.В. Коновалов, Л.О. Корст, О.С. Успенская, С.Н. Волков, А.А. Подгорная, Н.М. Линченко, Д.Г. Жученко, Р.Е. Першман, А.В. Коган, Е.А. Бунатян, Т.О. Фаллер, В.Я. Моцная и другие. Детальная разработка топической диагностики и неврологической семиотики опухолей и других объемных образований головного мозга принадлежит школе М.Ю. Рапопорта.

Побывав в длительных командировках в Германии и Франции, Михаил Юльевич увидел, что Институт нейрохирургии достиг европей-

ского уровня по своим клиническим исследованиям. Продолжая работы Cl.Vincent и Le Beau, М.Ю. Рапопорт создал учение о дислокациях в ответ на развитие в мозгу объемных процессов. Закономерности и топические варианты ущемления ствола мозга и иных структур в тенториальном отверстии и в шейно-затылочной дуральной воронке были изучены и описаны в серии статей как самого Михаила Юльевича, так и его учеников.

Михаил Юльевич сравнительно поздно защитил докторскую диссертацию — ему уже исполнилось 49 лет. Но это был фундаментальный труд, изданный затем монографически, в котором на модели опухолей раскрывались сложнейшие функции височных долей мозга.

Развитие и внедрение в повседневную практику клинической электроэнцефалографии энергично поддерживал М.Ю. Рапопорт. Совместный с нейрофизиологами анализ позволил раскрыть диагностические и исследовательские возможности ЭЭГ. Клинический опыт в совокупности с ЭЭГ контролем позволил М.Ю. Рапопорту обосновать возможность возвращения к полетам летчиков, получивших черепно-мозговую травму. Это был важный вклад в победу над Германией.

Михаил Юльевич явился одним из пионеров изучения неврологии черепно-мозговых ранений. По ним он написал книгу, по существу, настольное руководство, а многие его сотрудники и ученики выполнили докторские и кандидатские диссертации на эту тему, впервые раскрыв патогенез и неврологическую семиотику таких последствий и осложнений, как посттравматические мозговые нагноительные процессы, рубцы, инородные тела, эпилепсия и т.д.

Михаил Юльевич выдвигал масштабные цели, работал на методологическом уровне. Где-то, казалось, он фантазирует, на деле идеи ученого просто опережали время и технические возможности своей реализации.

Диагност

Молодые врачи немного побаивались Михаила Юльевича, но дружно ходили на его клинические разборы совсем по иной причине. Это был профессионально отрежиссированный театр одного актера, захватывающее неврологическое представление с интригующей завязкой, удивительной фабулой и непредсказуемым диагнозом. Главным действующим лицом был, конечно, неповторимый Михаил Юльевич. Быть статистом или просто зрителем в этом спектакле — значило

получить наслаждение и знания одновременно. А иногда нам доверяли и маленькие роли в эпизодах. Как мы тогда старались!

Итак, клинический разбор профессора М.Ю. Рапопорта в детском отделении Института нейрохирургии. Представьте огромную комнату с высокими окнами, посередине стоит черный рояль. В ней воспитатели развлекают больных детей. Стремительно входит Михаил Юльевич, за ним свита — нейрохирурги, невропатологи, аспиранты и ординаторы, человек 15-20. Рассаживаемся. Лечащий врач подробно докладывает о больной девочке 12 лет, читает заключение старшего невропатолога. Предполагается опухоль головного мозга, локализация неясна, четких очаговых признаков не выявлено, но с операцией следует спешить, т.к. быстро нарастают симптомы повышения внутричерепного давления — головные боли со рвотой, застойные диски зрительных нервов. Поскольку подозревают новообразование средней линии мозга, для уточнения диагноза необходима предоперационная вентрикулография. (опасный травматичный метод исследования — Л.Л.).

Тишина. М.Ю. Рапопорт внимательно слушает. Потом спрашивает, есть ли иные мнения по топике и характеру поражения и по тактике ведения. Молчание. Аргументированных возражений нет. Михаил Юльевич предлагает посмотреть девочку. Входит симпатичная черноволосая пигалица с озорными глазами. М.Ю. сажает ее прямо на край рояля так, чтобы свободно свешивались ноги. Он не проверяет повторно неврологический статус — нет необходимости, полное доверие опытному невропатологу клиники. Лишь молоточком наносит удары по сухожилию четырехглавой мышцы справа и слева. И с обеих сторон получает маятникообразные коленные рефлексy. Звучит четкий диагноз: *«Опухоль задней черепной ямки — червя мозжечка. Можно оперировать без вентрикулографии»*. Мы потрясены, а радикальное хирургическое вмешательство полностью подтверждает суждение мэтра.

Между белыми и красными

Михаила Юльевича часто приглашали на консультации в самые различные больницы — от Кремлевской больницы до обычных городских больниц в Москве и стране. Стал почти хрестоматийным консилиум по поводу одного высокопоставленного пациента с кратким анамнезом. У постели тяжелобольного встретились три неврологических светила: Е.К. Сепп, А.Е. Кульков и М.Ю. Рапопорт. Первый, учитывая внезапность развития мозговой патологии у пожилого человека с гипертонической болезнью при отсутствии объективных признаков внутричерепной гипертензии, диагностировал инсульт. Второй, исходя из быстрого развития менингеального синдрома, высокой температуры, повышения РОЭ (тогда так называли нынешнее СОЭ), предположил менингоэнцефалит. Третий, уловив четкую заведомо недислокационную очаговую симптоматику

(М.Ю. подошел к больному с левой стороны и не увидел никакой реакции на свое появление, тогда он подошел с правой стороны, и пациент стал следить за ним, тут же последовал вывод — гомонимная левосторонняя гемианопсия), распознал недоброкачественную опухоль правой височной доли. Больного перевели в Институт нейрохирургии, где дальнейшее исследование и операция подтвердили диагноз Михаила Юльевича.

...Жизнь Михаила Юльевича — церковное «Юльевич» трансформировалось в повседневное «Юльевич» — изобиловала драмами и трагедиями. Крещеный еврей из Риги, женатый на дочери русского священника из Эстонии (без обряда крещения он не мог бы жениться), в годы гражданской войны, уже будучи врачом, прежде чем быть мобилизованным в Красную Армию, попал в Белую Армию (о чем М.Ю. по понятным причинам умалчивал). В той неразберихе, которая царила при бесконечных наступлениях-отступлениях, пропала его малолетняя дочь, увы, навсегда.

Трагедия с детьми преследовала Марию Дмитриевну и Михаила Юльевича. Вторая дочь умерла от скарлатины на руках у Николая Ниловича Бурденко: трахеотомию сделать не успели.

Младший сын Рапопортов Николай ушел добровольцем-солдатом на фронт. Был ранен и погиб в 1942 г. в Торжке. Как сумели перенести три таких потери Мария Дмитриевна и Михаил Юльевич, знает один Бог. Крепкие духом были люди!

А тяжелые события иного рода тоже близко подступали к М.Ю. Рапопорту, хотя не успевали обрушиться на него свой «девятый вал». Как я уже упоминал, Михаил Юльевич консультировал в Кремлевской больнице, и оба дела врачей 30-х и 50-х годов, не говоря уже о других процессах, держали его в крайнем напряжении. Может быть, ему повезло, что освободили, вернее — сняли с должности зама по науке в 1952 г., и тем самым он не попал под глобальную административную чистку начала 1953 г. Из Института его не успели уволить; Борис Григорьевич знал цену М.Ю. Рапопорту. Но все же не сумел бы его отстоять, если бы не смерть Сталина в марте 1953 г.

Михаил Юльевич был членом партии, ему доверяли ответственные выдвижения кандидатов в депутаты Верховных Советов СССР и РСФСР. Не знаю, был ли он всегда искренен, но помню, как с особым восторгом и даже упоением он рекомендовал выдвинуть кандидатом в депутаты Моссовета своего любимого ученика Николая Смирнова. Здесь он говорил легко, коэффициент искренности был равен 1. Еще бы — достойный, очень положительный человек, коммунист, солдатом прошедший войну, ставший великолепным неврологом и научным деятелем, воспитанник самого М.Ю. Рапопорта.

У Михаила Юльевича был высокий дар обобщений: в любом частном проявлении он умел улавливать закономерности. Когда М.Ю. выходил на трибуну, то обычно начинал выступле-

ние фразой: «Я поднимаю этот отдельный случай (наблюдение, факт, симптом, поступок и т.п.) на принципиальную высоту». И далее либо возносил, либо критиковал. И то, и другое он делал так ярко и страстно, что казалось, присутствуешь либо на чествовании, либо на четвертовании. Понятно, что многие в Институте преклонялись перед умом и энергией М.Ю., но было немало сотрудников, которые его не любили, а точнее — ненавидели. Но если М.Ю. всегда шел в бой с открытым забралом, то его противники предпочитали мышиную возню.

Воспитатель

У Михаила Юльевича была феноменальная память на все. Он поражал нас: с лету, с одного раза запоминал навсегда каждого с его фамилией, именем, отчеством, даже самым сложным, которые и мы, молодые, долго путали. К любому ординатору или аспиранту, не говоря уже о более старших коллегах, М.Ю. обращался только по имени-отчеству, произнося его легко и четко. Может быть он, зная свою сильную сторону (многие профессора и руководители, увы, не помнят даже спустя годы знакомства имена и отчества своих учеников и сотрудников), сознательно пользовался этим впечатляющим приемом. Когда тебе немногим за 20 и ты услышишь заинтересованное «Эльмира Мушеговна», «Абдумаджид Мусаевич», «Арсланбек Мурзалиевич» или «Леонид Болеславович», то проникаешься сразу же уважением к самому себе и особой готовностью воспринимать сказанное тебе великим мэтром. А если твое, самое красивое для носителя, имя-отчество дополняется доверительным «голубчик» (любимое обращение М.Ю. к коллегам и больным), то чувствуешь признательность за ощущение своей значительности и близость к такому человеку.

Михаил Юльевич бдительно следил за письменной продукцией своих подопечных. Любые тезисы, доклады, статьи проходили его редактуру и, если хотите, научную цензуру, но в лучшем смысле этого слова. Его замечания и поправки тоже были школой научного творчества. Мелкий острый почерк с размашистым завершением фразы часто содержал направляющие мысли. Могу сказать о себе — я, если допустимо так выразиться, учился писать у Юлия Вениаминовича Коновалова, а редактировать — у Михаила Юльевича Рапопорта.

Юбилей

...Между тем подошел юбилей Михаила Юльевича, 1961 год — 70 лет со дня рождения и почти 50 лет врачебной, педагогической и научной деятельности. Незадолго М.Ю., что знаменательно и чем он гордился, вместе с выдающимися нейрохирургами Б.Г. Егоровым и Л.А. Корейшей был удостоен почетного звания «Заслуженный

деятель науки РСФСР», звания высокого и в те годы особенно редкого.

Для нас — неврологов, нейрохирургов и других сотрудников Института — майский день рождения М.Ю. был праздником, и мы готовились к нему, как к празднику. Отпечатали приглашительные билеты с портретом М.Ю. и программой торжественного заседания, разослали их по всей стране. Украсили конференц-зал, впрочем это было нетрудно сделать: сирень вокруг памятника Н.Н. Бурденко в институтском саду полыхала, как никогда. И вся аудитория, вся сцена утопали в букетах сирени и благоухали чудесным ароматом.

Но, пожалуй, еще больше, чем цветов, было людей. Коллеги-нейрохирурги, ученики-неврологи, врачи многочисленных больниц, где консультировал юбиляр, бывшие его больные составили разноголосый, но слаженный хор, воспевавший свершения Михаила Юльевича. Мы только успевали уносить со стола горы приветственных папок и подарков. Часа через два поток речей иссяк, и взволнованный событием М.Ю. пригласил нас — помогавших ему аспирантов — к себе домой.

Жил он во дворе Института. Я впервые оказался в его квартире. Чтобы лучше познать и понять человека, всегда необходимо познакомиться с интерьером его жилища. Я имею в виду не размеры и высоту комнат или их количество (хотя это тоже показатель), а ту часть интерьера, которая выдает вкусы и склонности обитателя. В трехкомнатной квартире М.Ю. больше всего поражали стены. Все они — и в гостиной, и в кабинете, и кухне, и прихожей, и коридорах были увешаны тарелками. Сразу чувствовался высокий уровень коллекции — среди множества интереснейших тарелок XVII-XIX веков из Франции, Германии, России и других стран встречались раритеты, которые украсили бы любые музеи мира. Перехватив наши любопытные взгляды, М.Ю. провел краткую экскурсию, восхитив не только экспонатами, но и увлекательным изложением их истории, знанием европейских центров фарфора и фаянса, школ художественной росписи.

Потом мы оказались за большим круглым столом, на который М.Ю. сам поставил несколько бутылок невиданного вина. *«Берёг для юбилея»*, — сказал мэтр и вновь блеснул своей эрудицией. *«Это редкое сухое белое вино подарил мне секретарь Ставропольского крайкома партии в знак признательности за консультацию его жены. Посмотрите на свои бокалы. Идеальная прозрачность с нежным золотисто-лимонным оттенком. Повращайте бокал и вдохните аромат вина: стойкий гармоничный букет горного разнотравья войдет в Вас. Попробуйте его, и Вы ощутите бархатистую завершенность и удивительную мягкость переходов между легкой сладостью и щемящей тонкой терпкостью с долгим и приятным послевкусием»*.

Передо мной раскрывался Михаил Юльевич, которого я даже не представлял — не только

точнейший невролог, но и тончайший ценитель прекрасного. Коля Смирнов рассказывал мне, что на даче у М.Ю. росли необыкновенные розы и были изумительные цветники.

Да, мало я знал о своих учителях, но, увы, уже поздно что-либо поправить....

Последние годы

В 1966 г. я приехал из Горького в Москву согласовывать тему своей докторской диссертации по фазности течения и диагностике опухолей больших полушарий мозга. Советовался и с Михаилом Юльевичем, который, что было для меня очень важно, одобрил исследование.

Михаил Юльевич сильно сдал за несколько лет, прошедших после моего отъезда из Института. Перенес тяжелую операцию по поводу рака желудка, перенес не менее тяжелую операцию иного рода — А.И.Арутюнов перевел его с должности руководителя клинического отдела на полставки консультанта и уволил ряд его многолетних помощников-неврологов. Потерял М.Ю. и здоровье, и власть, но личность осталась. И какая личность!

Михаил Юльевич страдал, видя как рушится созданная им неврологическая служба в нейрохирургии, как подрываются корни его школы. Увы, возможности противодействия этому процессу исчезли.

Вспоминаю его страстный монолог, по сути исповедь. *«Меня хотят сломить и заставить уйти из Института. Благовидных предложений для этого хватает — и стар, и болен, и служба моя почти ликвидирована. Но пусть знают, я никуда и ни при каких обстоятельствах не уйду из Института, буду цепляться руками и ногами, пока не вынесут. Выгонят из неврологов, пойду в санитары, надо будет — буду ставить клизмы и вычищать больным кал из rectum своими пальцами»,* — почти кричал М.Ю., возбужденно жестикулируя. Мне стало не по себе. Михаил Юльевич — мэтр — ранее недоступный, закрытый, высоко дистанцированный от меня положением, заслугами, авторитетом, возрастом, наконец. И вдруг разверзает передо мной — мальчишкой — глубины своей истерзанной, мятущейся души, выдает сокровенные мысли и тревоги.

Я располагался на диванчике напротив стола, за которым сидел М.Ю. В его кабинет, который когда-то был центром неврологии в Институте, теперь никто не стучал и не заглядывал. Михаилу Юльевичу было одиноко. Мне

он доверял, знал, что услышанное не обращу в сенсацию. Потребность же высказаться, видимо, давно накапливалась, и М.Ю. «прорвало» при моем появлении. Я вышел в полном смятении, так хотелось хоть как-то помочь М.Ю. Но что я мог сделать реального? Однако мне показалось, что мое сочувствие было приятно Михаилу Юльевичу и дало какой-то облегчающий эффект....

...Через год с небольшим холодным октябрём 1967 г. Михаила Юльевича не стало. До конца дней своих М.Ю. оставался в штате Института. Он провел в его стенах и последние недели жизни, в которую продолжал верить.

Похороны были многочисленными. Съехались представители нейрохирургического и неврологического сообществ со всего Союза, среди них много его прямых учеников, ставших профессорами, создателями неврологических школ республик Средней Азии, Закавказья, других регионов. На панихиде в конференц-зале Института вспоминали поступки и деяния уникальной личности, отдавали последний долг великому неврологу, посвятившему жизнь нейрохирургии; несчастье объединило, чувствовалась масштабность потери. Запомнилось выступление Александра Львовича Духина из Киевского института нейрохирургии: *«Сначала мы все учились у Рапопорта, потом мы всех учили по Рапопорту».*

* * *

Похоронили Михаила Юльевича в Лефортово на бывшем Немецком, теперь Введенском кладбище. Вот уже почти полвека Николай Александрович Смирнов и я навещаем могилу мэтра. Вспоминаем и грустим. Грустим еще и потому, что чувствуем себя виноватыми — не сумели отстоять, сохранить завещанное нам Михаилом Юльевичем: сделав когда-то великое, решающее в становлении топической и нозологической диагностики нейрохирургической патологии, неврология потеряла здесь свои передовые позиции. Изменилось к ней отношение, ушли в небытие лидеры, появились сказочные картинки, и иллюзия ненужности невролога стала, увы, всеобщим поветрием, обнажающим поверхностность мышления так думающих.

Почему-то ученикам обычно везет с учителями, а вот учителям гораздо реже везет с учениками. Достигнув возраста своих учителей, хотим хоть что-то свершить для нашего общего дела и в память о них. Последнее удастся лучше.

Профессор Л.Б. Лихтерман